

ОЛЕГ БОРОВИН

ТРЕШАЧЮК

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Олег Боровин

Трэшачок. Сборник рассказов

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Боровин О.

Трэшачок. Сборник рассказов / О. Боровин — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-06722-6

Создал Бог Землю и Олега Боровина и увидел, что это хорошо. Дал Бог Олегу перо и сказал писать. Прочитал Бог сборник рассказов Боровина и сказал: «Что это еще за хрень?» И отобрал Бог перо у Олега. Осторожно, книга была запрещена к изданию в раю! Но на Земле доступна. Не упустите свой шанс. Олег Боровин родился в семье простых рабочих, много болел, в школе отставал, в армию не попал по состоянию здоровья. Начал писать рассказы во время лечения от наркотической зависимости. Героями его книг становятся люди, выброшенные на обочину жизни. Олег не имеет соцсетей и ведет затворнический образ жизни. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-06722-6

© Боровин О., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

К читателю	5
Место для испорченных яиц	6
Карманный сыскун	15
Вушники	17
Ставка	20
Конец ознакомительного фрагмента.	29

К читателю

#трэш #боровин #яздоров #люблюредакторов #вдохновение

Дорогой читатель.

Если ты любишь сесть в удобное кресло, заварить кофе с маршмэллоу, закутаться в теплый плед и почитать у камина что-нибудь доброе, волшебное, то эта книга как раз

НЕ ДЛЯ ТЕБЯ!

Это ужасная книга! Скорее выбрось ее, сожги ридер, уезжай из дома, там все заражено! Забудь ее! Обратись к врачу, пусть он вылечит твои мозги! Срочно записывайся на лоботомию!

Трэшачок – это дичайший трэш. Бабки, орущие матом, оживающие сопли, отец, смеющийся над горем сына, тупые подростки, пьяные мужики, пьющие мочу, и прочие отбросы. Лучше об этом не знать. Я бы и сам сжег эту книгу, но мне не дает покоя та старуха, которая ползает по потолку и всю ночь кричит, что я должен про нее написать.

ДА ЗАТКНИСЬ ТЫ УЖЕ! Я НАПИСАЛ!

Этой книги не касалась рука редактора, поэтому он не сможет вырезать это: блядь! Уверен, если бы я обратился к редактору, он бы придушил меня поздно ночью, лишь бы ЭТО никогда не появилось на полках книжных интернет-магазинов. Но у книги обязательно будет корректор, чтобы глаза редкого читателя не сильно кровоточили. Тем не менее, чтобы показать свою твердость и независимость, я поставлю вот такую идиотскую запятую, и никто ее отсюда не уберет.

Если я вам скажу, какие произведения вдохновили меня на написание этого, вы примерно поймете, что будет дальше. Ирвин Уэлш «Гремучие змеи», «Сборная солянка», Чак Паланик «Призраки» и Меньшенин Евгений «Уборщица» и «Бабия».

Давайте-ка я немного погадаю на гуще. Многие люди скажут, что я ебнутый. Сразу хочу отсечь всякие там недосказания и психологические анализы: я действительно ебнутый. Так что можете сосредоточиться на сюжете книги, а не на моем психическом здоровье. С ним полный бардак. Но я стараюсь. Стараюсь не кидаться на людей, а оставлять это героям на бумаге. Но вы все равно будьте аккуратнее, близко к книге не наклоняйтесь, мало ли, вдруг оно до вас дотянется.

Я не придумываю рассказы. Записываю то, что мне показывают. Получается, я просто первый их читатель. Потом пересказываю вам. Если вам не понравится сюжет – вопросы к автору. Я даже не знаю, кто он. Он как-то транслирует мне прямо в мозг. А если понравится, то... То, в общем, можете меня похвалить. Я передам куда нужно. Писать на **info@booksband.com** с пометкой «тому ебанутому Боровину».

С уважением к тебе, мой дорогой читатель.

Надеюсь, ты от меня не сбежишь.

Олег Боровин, 12.11.2019

Место для испорченных яиц

Эля читала книгу. Колеса поезда отстукивали ритм сонного зевания и заполнения пожелтевших сканвордов. За окном заснеженные степи Севера затянула темнота. Поезд около полу часа назад совершил остановку, и многие пассажиры вагона номер шесть вышли, остались трое, не считая проводника.

Эля была одна в купе. Она ехала к отцу практически на край света. Он перебрался на Север, когда она училась во втором классе. С тех пор прошло пять лет.

Она смотрела в книгу, но буквы превратились для нее в ничего не значащие закорючки. Мысли были о Саше.

Вчера он наконец-то предложил проводить ее после уроков. Эля так обрадовалась, что чуть не задохнулась от счастья. Она давно сходила с ума по Саше. Сколько было написано любовных посланий, которые хранились в ее ящике под горой запасных тетрадей, чтобы не нашла мама. Эля так и не решилась отправить хотя бы одно из них. Сколько было потрачено времени на просмотр фотографий класса. На физиономии Саши уже давно должна была появиться дырка. Сколько было истрачено листов бумаги на гадания по именам и датам рождения. Сколько было проведено телефонных конференций с подружкой на тему «Почему он не подходит ко мне? Неужели я ему не нравлюсь?»

Сколько лет Эля посматривала на Сашу на уроках и мечтала о том, как они будут держаться за руки. Да и сейчас, уткнувшись в книгу, она продолжала мечтать, но о другом, потому что они уже держались за руки. Эля пробежала глазами по одному и тому же абзацу, не замечая, что история заиклилась.

Саша пригласил ее сходить в кино на каникулах. Отец подарил ему сертификат на 10 сеансов. Эля с удовольствием согласилась.

– Как только вернусь от отца, – сказала она Саше. – Я еду к нему на новогодние каникулы. Они с мамой развелись, и мне приходится жить с ней, хотя с отцом мне намного интереснее.

– Ты едешь с мамой?

– Нет. Одна. Мама и папа не могут находиться в одном месте одновременно. Иначе мир взорвется, как говорит отец.

– И тебе не страшно ехать одной так далеко?

– Нет. В поезде есть проводники и милиция. Всегда можно кого-нибудь из них позвать.

Но ей было страшно.

Проводница – пухлая женщина, которой подходило прозвище «канистра», отдыхала после того, как опустошила две бутылки с одним из пассажиров. Они пили водку, запершись в ее купе. Тридцать минут назад она каким-то чудом умудрилась высадить пассажиров на большой станции, а после вернулась к своим делам.

Сейчас она храпела, лежа на скамье. А собутыльник исподлобья посматривал на ее юбку.

Он ехал на Север с целью схорониться. Билета он не имел, поскольку путешествовал инкогнито. Правда, слово «путешествовал» не в полной мере отражало его желание попасть на край света. Он бежал. На Земле (как называли жители Севера остальной мир) он кинул своих поделщиков и теперь не мог вернуться назад. Его искали серьезные люди.

Его называли Худой, и на Севере его ждал друг детства. Друг обещал прикрытие за умеренную плату. Деньги у Худого имелись. Они и были причиной, по которой его разыскивали.

Худой был похож на сухую ветку репейника. Казалось, его можно использовать как реквизит для постановки «Последние дни блокадного Ленинграда». Его диета называлась «Обеды в лучших тюрьмах страны». Миллионы женщин бы отдали последние деньги за его семинары, если бы Худой проводил такие.

Худой навис над проводницей, которой заплатил за безбилетный проезд, повернул поясную сумку набок, чтобы она не мешала, снял штаны, приподнял юбку спящей и спустил ее колготки. Он попытался вставить ей свой хрен, но проводница испортила воздух. Худой зажал нос рукой.

– Черт, старая, – сказал он, – похоже, ты протухла. Тебя пора выбрасывать.

Она махнула рукой и попала ему по лицу. В ответ он ударил ее кулаком по голове.

– Эй, ты чо-о-о? – пробормотала она во сне.

– Ничо-о-о, – ответил он и плюнул на ее униформу.

Худой натянул штаны. Ему очень хотелось кому-нибудь всунуть свой прибор и скинуть возникшее напряжение. Он снимал его регулярно. А тут, в поезде, он оказался в капсуле высокого напряжения. Он ехал уже пять суток и понятия не имел, сколько еще продлится его путь.

Он побрел по коридору вагона, открывая одну дверь за другой, и заглядывал в каждое купе.

Пусто.

Пусто.

Пусто.

Пусто.

Опа. Девочка. Лет двенадцати или тринадцати. Читает. Типа, самая умная. В самый раз, короче.

Эля оторвалась от книги и посмотрела на мужчину, потом опустила глаза. Худой заметил на ее лице тень страха.

«*То ли еще будет, малышня*», – подумал он и вошел.

– Привет, – сказал Худой.

– Здравствуйте, – ответила Эля и сложила книгу.

– Ты одна, что ли, едешь?

Эля вздрогнула. Мороз побежал по спине. Сердце задрожало.

– Нет, – ответила она, нервно улыбнувшись, – мой папа пошел в вагон-ресторан.

– А-а-а! – сказал Худой. – В вагон-ресторан, говоришь. А разве он тут есть?

– Да. Во всех поездах есть вагоны-рестораны.

– Ага. Точно. Надо же людям что-то жрать, – мужик заржал, как сломанный трактор, – не носки же свои хавать. Или эти дошираки, которые еще хуже на вкус, чем носки!

Эля кивнула.

– Ну... Ясно. А в какой стороне вагон-ресторан? – спросил Худой и стал ковыряться пальцем между зубов. От него несло перегаром и потом.

Эля положила «Приключения Карика и Вали» на столик, где стоял один стакан. Рядом лежала ложка, вилка и нож.

Худой посмотрел на стол.

– Конечно, зачем твоему бате отдельные приборы, ведь он жрет в вагоне-ресторане.

Эля ничего не ответила.

Худой почувствовал, как в штанах у него готовится извержение. Патрон уже был в патроннике. Осталось расчехлить оружие. Он положил руку на ширинку и почувствовал жжение.

Он представлял, как схватит эту молоденькую девку, которой еще никто никогда не вставлял. Она будет кричать, но он заткнет ей рот рукой и, может быть, даже сдавит шею. Он скажет, что если она не заткнется, то он придушит ее и все равно трахнет. Он спросит, хочет ли она после того, что он с ней сейчас сделает, остаться в живых или нет? А потом, когда будет долбить ее, скажет, что все равно рано или поздно какой-нибудь подзаборный босяк трахнул бы ее и бросил. Годом раньше, годом позже, какая разница?

Худой тяжело дышал от возбуждения.

– У меня к твоему папе вопрос. Не возражаешь, если я его подожду?

Он знал, что девочка придумала историю про папу.

Эля дрожала. Она понимала, что нельзя сидеть и ждать, когда он накинется на нее, побьет и изнасилует. Про таких мужчин ей рассказывала мать.

«Вот будешь гулять допоздна, тебя поймает какой-нибудь бандит и залезет под юбку».

Мама все время ее предупреждала. Но разве не мама посадила ее в этот поезд и отправила одну через полстраны? Разве не она сказала, что ей некогда и что с Элей ничего не случится, ведь в поезде есть проводница и милиция?

Эля вспомнила, как разозлился отец, когда узнал, что она поедет одна. Он кричал в трубку. Они поссорились с мамой, и та была в бешенстве.

Потом отец рассказал Эле о правилах поведения в чрезвычайных ситуациях. И сообщил, что в вагоне есть кнопка экстренного вызова полиции. В случае чего Эля может ей воспользоваться. Но кнопка была где-то в коридоре – не в купе, не под столом.

– Конечно, можете подождать папу, – сказала Эля.

Худой улыбнулся. В его челюсти оставалось столько зубов, что не хватило бы для наглядного примера в детсадовскую группу, изучающую числа до десяти.

Эля встала. Но Худой тут же преградил ей путь рукой.

– Ты куда это? Я тебе не помешаю. Можешь и дальше читать свою книгу.

Он улыбался и дышал перегаром ей в лицо.

– Мне нужно в туалет, – сказала Эля.

Тогда Худой встал и закрыл двери купе. Щелкнул замок.

– По тебе не заметно. Ты спокойно сидела читала, и я не видел, чтобы ты собиралась куда-то идти. Тем более ты же не хочешь, чтобы твой папа потерял тебя? Там в вагоне столько пьяных и странных людей. Мало ли, вдруг им взбредет в голову... сделать что-то с такой красавицей.

Он шагнул к ней. Эля отпрянула и села на койку. Худой примостился рядом.

Сердце Эли стучало громче колес поезда.

На ее глазах появились слезы. Заметив их, Худой заулыбался шире.

– Не плачь, – сказал он. – Я тебя не обижу. Я добрый малый. А теперь, пока твой папа не пришел, я хочу с тобой поиграть.

– Я не хочу играть, – застонала Эля, залезла на койку и обняла свои ноги. Она сжалась в маленький комочек.

– Можешь поплакать, – сказал Худой, – но если заорешь, то я тебя тут же придушу. Суть игры простая. И ты будешь играть, иначе твой папа будет очень расстроен. Я ему все расскажу про тебя, все твои тайны. И тогда тебе не поздоровится. Держу пари, твой папка тебя так отдерет, что ты сидеть год не сможешь. Так что не выделывайся и послушай меня.

Затем он оглядел купе.

– Фух, тут так жарко, – сказал он, – зачем они так топят в поезде? Можешь снять свои штанишки, чтобы не вспотеть. Я тоже, пожалуй, разденусь.

– Нет!

Худой ударил Элю по лицу кулаком, и она зарыдала в голос.

– Заткнись, сука! Заткнись! Ты забыла, что я с тобой сделаю, если ты не замолчишь?

Она сомкнула рот, но продолжала плакать. Она уткнулась головой в колени и проклинала свою мать за то, что посадила ее в этот поезд.

– Снимай штаны! – скомандовал он, стягивая свои. Затем он расстегнул поясную сумку и нехотя положил ее на другую кровать. – В эту игру одетыми не играют.

Он схватил девочку за ноги и дернул на себя.

Эля завизжала и начала пинаться ногами. Худой снова ударил ее по лицу. На этот раз сломал ей нос. Кровь брызнула на футболку с Микки Маусом.

Проводница в своем купе грохнулась на грязный пол и даже не проснулась. Она храпела и пердела во сне. Девчачий крик разносился по вагону.

Около туалета открылась дверь купе, и оттуда выглянул парень.

Шестнадцатилетний Мартин возвращался домой после концерта группы «Флейта Анти-христа».

Он зашагал по вагону и остановился у купе, откуда доносился плач и мужская ругань. Мартин различил голос пьяного мужика. А потом крик девочки:

– Помогите!

– Заткнись, шлюха! – Звук удара. – Замолчи!

Мартин потянул дверь, но та оказалась заперта. Он постучал.

– Откройте. Иначе я вызову полицию.

Худой выпрямился над Элей и ударился головой о верхнюю полку. Он все пытался стянуть спортивные штаны с девочки, но та сопротивлялась. Под глазом Эли наливался синяк. Нос был свернут набок. Одно ухо опухло, как свежий оладушек.

– Черт, сука. Кого там еще принесло? – выругался Худой. – Отвали, пацан, я тут со своей дочерью разбираюсь. Это наше дело.

– Помогите! – закричала Эля, и Худой зажал ей рот рукой. Он обхватил ее голову, чтобы она не дергалась. Эля начала задыхаться. Она била Худого руками и ногами.

– У нас все в порядке, – сказал Худой.

Мартин прислушался. За стуком колес он не мог различить, что происходит в купе.

– Я зову полицию! – сказал он, и в этот момент в купе раздался мужской крик.

– Сука!

Сначала Эля укусила его, а затем изловчилась и ударила по набухшим от спермы яйцам. Одно из них лопнуло.

Худой на секунду ослабил хватку. Эля в этот момент смогла протянуть руку и схватить со стола нож. Она воткнула его в ногу насильнику, и тот заорал еще громче.

Мерзкие объятия разжались, и Эля одним махом допрыгала до двери, даже не подтянув спущенные штаны. Она начала поворачивать замок, но он не поддавался.

Она плакала и молилась Богу, она проклинала этого ужасного человека и обещала, что никогда больше не будет прогуливать уроки и называть Настю Абрамову дурочкой за ее спиной. Хотя Настя, конечно же, заслуживает и более страшного слова.

Худой, пошатываясь, поднялся с койки и потянулся к Эле.

– Ты, сука, нарвалась.

Эля сообразила, что поворачивает защелку в другую сторону. Она тут же исправила свою ошибку и открыла дверь.

Мартину предстала страшная картина. Из купе выскочила взлохмаченная девочка. Лицо опухло и покрылось синяками, из носа текла кровь. Эля подтянула штаны и бросилась по коридору в конец вагона. Она бежала и редела. Потом споткнулась и растянулась на полу.

На койке в купе сидел мужик со спущенными штанами. В его грязно-желтых трусах торчал кол, а в ноге – нож. Худой яростно кричал, как забытый на плите чайник.

Мартин не растерялся. Он прыгнул вперед и наступил ногой на хрен мужика, будто давил гнилой апельсин.

Худой взвыл от боли. Он кричал так громко, что перекричал вой всех волков в тайге.

А Мартин ударил еще раз. И еще.

И еще.

– Вот тебе, мудило! – закричал Мартин. – Этот орган тебе больше не понадобится.

Худой рухнул на пол. Кровь из бедра и из трусов скапливалась в лужу. Крик насильника не прекращался ни на секунду. Он орал и держался за промежность, дергал ногами и тыкался носом в пол.

Мартин сжал кулаки от злости. Он выглянул в коридор. Эля поднималась с пола. Ее качало из стороны в сторону.

«Может, сотрясение?» – подумал Мартин.

– Ты в порядке? – крикнул он.

Но он и так видел, что она была не в порядке. Мартин мысленно наслал все болезни от чесотки и поноса до уремии и альвеолярной мягкотканой саркомы на этого проклятого насильника.

– Я не дам тебя в обиду, – сказал Мартин, – можешь позвать проводника? А я пока постерегу эту гниду.

Эля кивнула, продолжая содрогаться от стонов. В ее душе пылал пожар. Она на трясущихся ногах направилась в первое купе.

– Что же ты за тварь такая!

– А ты что... герой выискался, – стонал Худой, – знаю я вас. Выпендрился перед сукой, и сам ее потом трахнешь. Спаситель херов.

Мартин подумал, что пока нет полиции или свидетелей, он может наказать этого мудилу, и пнул торчавший из ноги нож. Тот вошел еще глубже, и Худой снова заорал. Насильник выкрикивал ругательства, не щадя голосовых связок.

Мама Мартина дала ему это имя не в честь Рикки Мартина, а в честь любимого напитка. В свои 16 лет Мартин насмотрелся на таких ублюдков, как Худой. Грязные вонючие алкаши, которые приходили к нему в дом и лапали его мать за зад. Парень часто спал на полу на кухне, потому что в однокомнатной квартире диван доставался только взрослым, которые полночи заучивали междометия.

Мартин любил свою мать. Она была хорошая. Если не пила. Когда к ней приходили друзья-алкоголики и спаивали ее, то она превращалась в тупоголовую свинью. Начинала хрюкать, выражаться, как вахтовики, и трахаться со всеми подряд. Мартин ненавидел алкоголь. Он ненавидел мартини. Ненавидел свое имя.

Но больше всего он ненавидел таких баранов, которые напивались и распускали свои грязные руки.

Парень плюнул на Худого, затем пнул в лицо. Нос мужика хрустнул. Но из-за боли в паху тот не заметил, что ему только что сломали нос.

– Подонок! Мудак! – сказал Мартин.

Он выглянул в коридор.

– Что там? – спросил он.

Она высунулась из купе проводника. Загримированное для фильмов ужасов лицо (синяки, глаза на мокром месте) сообщило:

– Она спит. Она пьяная.

Эля тяжело дышала и всхлипывала. Но больше не ревела.

Поезд стал замедлять ход.

Мартин посмотрел на наручные часы, которые он выиграл у одного из собутыльников матери в карты. Он знал эту остановку. Тут никто никогда не выходил, и проводники не открывали двери. Ближайший населенный пункт был в двадцати километрах. И место это северные народы называли не иначе как проклятым болотом, а иногда и мертвыми топями. Каждый год тут исчезали люди. Не было ни одного лета, чтобы в проклятых болотах не пропал охотник или ягодник. Среди коренных жителей Севера ходила легенда, что здесь бродит злой дух и забирает с собой в мир мертвых заблудших путников.

Будто подчеркивая значимость проклятого места, поезд останавливался здесь на несколько минут. Мартин подозревал, что скорее всего они пропускали встречный состав. Хотя он не помнил, чтобы во время этой остановки рядом с шумом проносился какой-нибудь поезд.

– Попробуй ее разбудить, – крикнул Мартин, – ущипни, что ли.

– Я уже пробовала по-всякому. Она спит как убитая.

– Тогда вызови полицию. Кнопка где-то там...

– Кнопка не работает.

– Да что за... – Мартин пожевал губу.

Он посмотрел на Худого. Тот, похоже, потерял сознание.

И тут Мартину пришла в голову идея.

Ужасная идея.

На улице зима. Температура минус тридцать. За окном проклятое болото, где пропадают люди. Ближайшая деревня в двадцати километрах. И добраться до нее без штанов – все равно что пописать на Плутоне без скафандра.

Поезд остановился.

– Что делать? – крикнула Эля.

«Позвать проводника из соседнего вагона», – услышал Мартин голос разума.

«Нет, пожалуй, этот подонок тюрьмы не заслуживает. Судя по его наколкам, он там свой. А это значит, что он заслуживает более сурового наказания», – произнес в голове Мартина другой голос.

Парень взглянул на форточку. Он вспомнил, как высовывал голову в окно, когда ездил на поезде летом. И как ему кричали, чтобы он влез обратно, потому что ему может оторвать башню столбом.

«Голова втиснется, пролезет и все остальное», – подумал Мартин.

Форточка была узкая, но этот истекающий кровью дрищ запросто туда протиснется. Правда, окна запирали на зиму. И чтобы открыть их, нужен специальный ключ. Проще тогда выбросить этого гада через дверь. Но ее проводники запирали на другой ключ, который носили с собой.

– Можешь проверить, закрыта ли дверь на улицу, – сказал Мартин.

– Что? – удивилась Эля.

– Дверь на улицу. Открыта или нет. Если закрыта, то попробуй повернуть щеколду.

– Зачем?

– Сделай, пожалуйста. Я же не доверю тебе стеречь этого типа.

Эля кивнула головой. Ее глаза так и лезли наружу. А губы дрожали.

Она убежала. Через несколько секунд вернулась и сказала, что дверь не заперта.

– Наша проводница сегодня в ударе, – сказал Мартин.

Он шагнул к Худому и ухватил его как невесту.

Ему было противно держать этого уroda на руках, но успокаивала мысль, что все это ради правого дела.

Эля прижала ладони ко рту, когда в коридоре появился Мартин с ублюдкой на руках. Кровь капала на пол, помечая праведный путь.

– Куда ты его? – спросила Эля. – Он что, умер?

– Пока дышит, но ему недолго осталось.

Мартин увлекался бодибилдингом. Он мечтал стать кем-нибудь наподобие Арнольда Шварценеггера. Ходил в спортзал, водил дружбу со штангой, читал статьи о правильном питании. В какой-то момент он начал давать отпор тем дебилам, которые приходили к его матери на потрахушки и распускали руки. Иногда у Мартина даже получалось выгнать кого-нибудь из них.

– Что ты позволяешь себе? Это мои гости! – однажды закричала мать.

– Обеспечь сначала себе насест для ебли, чтобы я не слышал ваших чих-пыхов, а потом уже делай, что хочешь.

– Да ты, мелкий сукин сын, я тебя кормлю, одеваю!

– У сукиного сына мать – сука, и, кстати, ты слышала когда-нибудь про службу защиты прав ребенка?

Мать набрала полную грудь воздуха. Мартин подумал, что она сейчас лопнет, если не остановится. Но женщина выдохнула и убежала в ванную плакать.

– Ты что, хочешь выбросить его? – спросила Эля.

– Есть такая мысль.

– Но он же напал на меня. Его надо сдать полиции.

Мартин дошел уже до купе проводника, где на полу спала женщина, пуская слюни.

– Посмотри на него, – сказал Мартин, – этот хрен уже не первый раз пойдет на зону. Это его дом родной. Я же предлагаю настоящее очищение.

Он вышел в тамбур. Эля прошагала следом.

– Открой, пожалуйста, дверь, – сказал Мартин.

В глазах Эли стояло недоумение.

– А как же полиция! Меня же избили, посмотри...

– Ты хочешь, чтобы вот этот возместил тебе лечение? – спросил Мартин.

– Шлюха, я тебя порежу, – промямлил Худой, и Мартин вздрогнул. Он опасался, что тип сейчас проснется. Но тот пока не открывал глаз.

– Такие люди не одупляют, что творят. Они гнилые и червивые. Они приносят только горе. Представь себе, что его посадят и он выплатит тебе сумму через суд, хотя я не уверен, что у него есть деньги. А что будет, когда он выйдет? Очередная маленькая девочка станет его жертвой!

– Но милиция будет задавать вопросы! – не унималась Эля.

– В прошлом году летом двое моих друзей ушли в поход в эти места, – сказал Мартин, – чтобы развеять миф о мистическом духе, о котором говорят народы Крайнего Севера. Мы думали, что кроме болот и мошкары бояться тут нечего. Больше моих друзей никто не видел. Только волей случая я не исчез в этих проклятых топях вместе с ними. В тот день я заболел и остался дома. Про это место ходят легенды. Поэтому я думаю, что это будет последнее пристанище для насильника.

Эля еще секунду медлила, а затем открыла дверь.

В вагон ворвался мороз. Кожу защипало.

Мартин смотрел в холодную ночь и подумал, что двери вагона открыли для них самый настоящий ад. Именно таким он и должен быть: тихим, морозным, угнетающим.

В этот момент поезд тронулся. Мартин подумал, что он не слышал, как мимо них проезжал другой состав. Тогда зачем они тут останавливались?

– Там тебе и место.

– Че, ты что делаешь? – спросил Худой. Он открыл глаза и потянулся к ножу в бедре. В этот момент Мартин выбросил его в сугроб.

Худой завопил:

– Помогите!

А затем его ор сменился на пронзительное:

– А-а-а-а!

Потому что мороз впился в него, как волк в раненого зайца.

Поезд набирал ход.

Мартин захлопнул дверь. Он выглянул в окно, но ничего не увидел сквозь обледеневшее стекло.

– Хорошо, что он пришел в себя. И очень надеюсь, что водитель поезда его не увидит, – сказал Мартин и отвернулся.

Эля переводила испуганный взгляд с двери на своего спасителя.

– Если что, он сам сбежал, когда я начал с ним драться. Резвый парень оказался. Только ума у него не особенно. Там ведь мороз дикий.

– А если его подберет следующий поезд? – спросила девочка.

– По-моему, следующий будет проходить тут через... часов шесть или восемь. Не думаю, что мужик доживет.

Эля покачала головой и представила лицо отца. Он наверняка расстроится, когда увидит ее в таком виде. А мать... Она просто наорет на нее за то, что она не закрыла дверь купе. Она никогда ее не жалела.

Эля снова заплакала, и Мартин обнял ее как брат.

Худой барахтался в колючем снегу. Иглы впивались в нервы. Теперь он забыл даже о своих отбитых яйцах.

– Стой, гнида! Стой, меня забыл! Сука! – Худой орал, пока не сорвал голосовые связки и из его горла не стал раздаваться только хруст сухих веток.

«Вот и стоило кидать парней только для того, чтобы сдохнуть где-то у дьявола на рогах?» – подумал он, стуча зубами, выбираясь из сугроба на железнодорожное полотно.

Худой работал с двумя недоумками, которые думали, что он – свой парень. Но он их не уважал и считал их быками. Они пришли к нему с предложением как к профессионалу. Они были наслышаны о его подвигах. Худой пролазил в самые недоступные места, вскрывал любые замки и мог упереть даже тампоны у принцессы Елизаветы во время месячных. Худой обчистил для них хату очень богатого дядьки, который держал сеть ресторанов, но скрылся через задний двор. Там Худого ждала угнанная машина, которую он оставил заранее. Далее Худой отправился в соседний поселок, где ошивался на вокзале, пока не подкупил проводницу и сел на поезд, идущий на Север. Деньги были при нем. В той самой поясной сумке.

– Вот говно, – сказал Худой, осматривая окровавленные посиневшие ноги. Сумки не было.

На конечной станции Мартин и Эля вышли вместе. Проводница так и спала на полу.

Мартин помог девочке найти своего отца, пока она прикрывала лицо от взглядов прохожих. Отец в ужасе округлил глаза и подлетел к дочке, оттолкнув Мартина в сторону.

– Что случилось, милая?! – закричал он. – Что...

– На меня напал... – тихо сказала Эля, задыхаясь от всхлипываний.

– На нее напал какой-то мужик в поезде, – сказал Мартин. – Я его отогнал. Мы хотели позвать в милицию, но тот урод успел спрыгнуть с поезда. Проводница не заперла дверь. Так что надо бы написать заявление.

Эля обняла папу. Тот хлопал покрасневшими глазами. Лицо перекошило от горя.

– Он... этот мужик... он? – мужчина пытался задать самый ужасный вопрос, который только мог сорваться с губ отца.

Мартин понял, о чем речь.

– Нет. Он не успел. Я пришел вовремя.

– Папа, Мартин спас меня, – сказала Эля. – Он очень хороший. Мне было так страшно.

Папа посмотрел на ее мордашку и заплакал. Его сердце сжалось. Он возненавидел того скорого на ногу насильника и желал ему смерти. Но для Худого это был бы самый простой выход.

Отец Эли посмотрел на Мартина.

– Сможешь описать его? И сможешь примерно указать, где он выпрыгнул с поезда?

– Да, все сделаю, – сказал Мартин, – только примерно. Я очень плохо ориентируюсь в географии.

– Надеюсь, что его найдут! – сказал мужчина.

«А я знаю, что нет», – подумал Мартин.

На следующий день Эля стала распаковывать свой чемодан, который в поезде собирал для нее Мартин. В тот момент она сама бы не справилась. И тут она обнаружила незнакомую сумку, которая надевалась на пояс. Эля повертела ее в руках, а потом вздрогнула. Она вспомнила, что сумка была на маньяке.

Эля отбросила ее с отвращением. Она хотела сжечь сумку, ведь та напоминала о самом ужасном моменте в ее жизни.

Но любопытство заставило заглянуть внутрь.

Впервые с того момента, как Худой открыл дверь в купе, на лице Эли появилась улыбка.

09.04.2018

Карманный ссыкун

Шестилетний Геша был толстым и задиристым, как нешлифованная доска. В детском саду его любимым занятием было отбирать у детей игрушки или конфеты. Если же Геша не успевал обидеть хотя бы одного ровесника, то он считал день прожитым впустую.

Коля ходил в ту же группу, что и Геша. Коля со всеми дружил. Даже с Гешей. Но толстяк не любил Колю и только потешался над ним.

Однажды Геша заметил, что Коля крепко спит во время сон-часа. Иногда воспитатели не могли разбудить Колю и шутили, что только подъемный кран может справиться с засоней. Коля так сладко спал, с блаженной улыбкой на лице, и Геша думал: «*Что это ему так весело? Что это ему там такое снится, что он не хочет просыпаться?*»

В конце концов, толстяку стало не по себе от того, что Коля такой счастливый. Геша кроме крика матери и подзатыльников отца ничего веселого в своей жизни не видел. Геша решил проучить Колю. Нечего тут радоваться.

Наступил сон-час. Все дети улеглись в кровати. Геша наблюдал за Колей, дождался, когда улыбочивый забудется сном, встал, откинул одеяло, помочился на Колины пижамные штаны, бросил одеяло обратно и вернулся на свою кровать. Весь сон-час Геша давил улыбку.

Через час воспитательница разбудила детей, а Коля продолжал спать. Тогда Геша подбежал к нему, откинул одеяло и закричал:

– Коля обоссался!

Дети смеялись. Коля проснулся от крика. Он увидел, что пижамные штаны мокрые от мочи. Ему стало стыдно, и он заплакал.

Так продолжалось несколько недель. Геша мочился на Колю при каждом удобном случае. Коля рассказал родителям про свои конфузы, и они решили, что у него недержание.

Геша потешался над Колей и обзывал зассанцем.

Колю водили к врачу. Врач посоветовал разобраться с питанием в детском саду, потому что дома Коля всегда просыпался сухой, а в детском саду – мокрый. Может, что-то в компот добавляют? Воспитатели и директор детского сада были в негодовании. Они устроили проверку, но на кухне был полный порядок с продуктами и с водой. Тогда Коля начал проходить обследование и сдавать тесты.

Колина бабушка посоветовала отвести мальчика к бабке Граппе, что жила в деревне Митино. Бабка славилась необычными способностями. Говорили, что она исцеляла безнадежно больных, снимала страшные заговоры и проклятия.

Коля сказал бабке Граппе, что писяет в штаны каждый сон-час.

– Как меня можно вылечить? – спросил он. – Все надо мной смеются. Я бы никогда не стал смеяться над тем, кто писяет в штаны во сне.

Бабка Граппа посмотрела на Колю, что-то прошептала, промычала и сообщила, что он здоров. Она плюнула на ладонь, провела по затылку мальчику и сказала, что он больше не будет никогда мочиться в постель.

Коле было неприятно чувствовать слюнявую ладонь на шее, но он надеялся, что это как-то поможет ему избавиться от мокрого стыда.

На следующий день Коля волновался перед сон-часом. А Геша пил воду и специально не ходил в туалет. Он копил. Он решил устроить самый настоящий потоп для Коли.

– Девочек от тебя тошнит, – сказал Геша, подойдя к Коле. – Они не любят ссыкунов.

И ударил Колю в плечо.

Геша кое-как дотерпел, когда Коля уснет. У него уже болел мочевой пузырь, и он вспотел от натуги. Наконец Коля уснул, и на его лице появилась улыбка, но уже не такая счастливая, как раньше. Теперь она была омрачена каплей грусти.

Геша встал, подошел к Колиной кровати, откинул одеяло, спустил штаны и...

Он не смог помочиться. В пипиське будто пробка застряла.

Геша испугался. Он не мог расслабиться. Что же делать? Пузырь был переполнен!

Геша бросился в туалет, но воспитательница перехватила его в коридоре и начала ругать, почему это он встал без разрешения и куда-то побежал. Но Геша стонал и пускал соплю. Он кричал, что ему больно и он хочет писать. Тогда воспитательница разрешила ему сходить на горшок.

Геша долго стоял над унитазом, пытаясь выдавить хоть каплю. Но так и не смог. В конце концов, он начал реветь. Может, думал, что моча выйдет через слезы?

Воспитательница нашла его пускающим соплю в туалете и кричавшим:

– Мне больно! Мне больно! Мамочка, спаси меня!

Воспитательница вызвала скорую, и они забрали Гешу в больницу.

Коля проснулся сухой и обрадовался. Он улыбался весь день, будто стал принцем королевства игрушек. Вечером пришел папа, и Коля сообщил, что бабушка вылечила его. Он больше не мочится в постель. Папа был рад еще больше, чем сын. В честь избавления от болезни они зашли в магазин и купили Коле игрушку – робота с двигающимися руками.

Геша больше не появлялся в детском саду. В больнице его прооперировали. Ему вывели трубку из мочевого пузыря, она сливала жидкость в пластиковый пакет, который пришлось носить в кармане всю оставшуюся жизнь. Геша до самой школы сидел дома. Его нянькой стала толстая мама, которая курила Балканку на кухне и смотрела телевизор.

В школе парни дразнили Гешу «карманный ссыкун». Геша плакал, но драться боялся, чтобы не порвать пластиковый пакет в кармане.

Однажды какие-то хулиганы вырвали у него пакет и выкинули за забор, где шла стройка. Геша бросился наутек, разбрызгивая мочу. А парни гнались за ним и кричали:

– Беги, ссыкун, мы все равно найдем тебя по мочевой дорожке!

Когда Геше было тринадцать, одним солнечным утром он не проснулся. Его мучал кошмар, и он во сне обмотал вокруг шеи простыню.

Коля никогда не дразнил Гешу в школе. Ведь Коля помнил, что у него были проблемы в садике с недержанием.

29.03.2018

Вушники

– Эй, милоч. Милоч? – звала старуха в огромных толстых очках-иллюминаторах. – Эко место-то у тебя в ушах такое диковинное?

Костя не слышал ее. Он слушал slayer, смотрел в окно и думал, что последняя неделя выдалась тяжелой. Но сейчас все наладилось. Вчера он узнал, что Буня повесился. Это значит, он не будет больше преследовать и запугивать Костю. Буня обещал порезать его ножом, сломать руку, подсыпать крысиный яд в чан с компотом в столовке. Пусть отравится вся школа, главное, достать Костю. Но теперь все угрозы можно забыть. Андрей Буньков, или, по-простому, Буня, мертв.

Костя заметил, что бабка машет ему рукой.

– Что? – спросил он, вынув один наушник.

– Ой, бабуську-то и не слушаешь. Я уж тебе больше часу все говорила про давешнее. А ты в уши чой-то воткнул. Что за аппарат такой? Ты, небось, врач? Сердце слушаешь?

– Какое сердце? – удивился Костя. – Это же наушники.

– Вушники, говорит. Я не слепая. Вижу, что вушники. Че напялил-то вушники свои?

– Музыку слушаю, – ответил Костя и воткнул их обратно. Ему вовсе не хотелось выслушивать маразматические бредни старухи. Его сейчас больше беспокоило, успеет ли он к моменту, когда все его друзья еще будут трезвые. Или опоздает. Курсы по физике так неудобно заканчивались, что он на пять минут не успевал на электричку и приходилось ждать следующую. Жаль, что его учитель в школе не справляется с материалом, и приходится ходить на дополнительные занятия. Но они ему так нужны. Он мечтал стать инженером и собирать крутых роботов, которые были бы очень похожи на людей. Они бы могли общаться с человеком, шутить и даже рассуждать.

– Ой, смотрите на него, – сказала бабка и закашлялась.

После приступа она прочистила горло. Что-то там булькнуло.

Она смачно харкнула на окно. Смарчок размазался горизонтальной лужей и украсил проносящиеся за окном виды полей.

Костя отскочил от окна и снял наушники. Он с отвращением смотрел на бабку.

– Ой. А я не знала, что окно-то закрыто. Зрение-то уже не то, – сказала она и засмеялась. – Ну что сидишь? Давай, вытирай. Помоги бабушке-то.

Он встал и ушел в другой конец вагона.

– Больно важный какой. Ишь ты! – возмутилась старуха и плюнула себе под ноги.

Костя выбрал место подальше от бабки, чтобы не видеть ее. Он сел и снова вспомнил про Буню. Все из-за старухи. Костя знал, что хулиган Буня жил с сумасшедшей бабкой, а его родители мотали срок. Ну и хрен с ними. Буня заслужил смерть.

Костя отогнал мерзкого Буню от третьеклассника. Буня держал мальчика за воротник, бил и плевал ему за шиворот каждый раз, когда мальчик отказывался отдать деньги. Тогда Костя серьезно подрался с Буней. Победителя в драке не было – они оба выдохлись и поняли, что нет смысла продолжать – мальчик-то сбежал.

– Я тебе отомщу, – сказал Буня. – Я доберусь до тебя. Жди меня в самом неожиданном месте, козел! Выцеплю тебя в темной подворотне и порежу. Понял?

Всякий раз, когда Костя встречал его в школьном коридоре, Буня придумывал новую угрозу, страшнее предыдущей.

Но Костя так и не дождался мести. Буня повесился. Конец всем страхам.

Костя расслабился и вернулся в музыку. Том Арайя надрывался:

– Angel of death!

На следующей остановке вошла девушка. Она увидела бабушку и решила, что напротив на свободной скамейке будет удобно и она сможет наконец-то дочитать «Долгую прогулку» Кинга. Уж очень была интересная книга, отрываться не хотелось. Но завтра она должна быть на экзамене по философии, поэтому пришлось собираться и бежать на электричку. Люда не готовилась к экзамену. Преподаватель сказал, что поставит ей автомат, если она просто придет. Он запал на нее. Люда специально надевала короткую юбку и садилась на первую парту. Философия ей не нравилась, но экзамен сдавать надо было.

Люда села напротив бабушки. Открыла книгу и погрузилась в чтение.

– И че это мы читаем такое? – спросила старуха, присмотревшись к книге. – Какой-то Книг. Фамилия, что ли, такая? Книг написал много книг. Дурость.

Люда не могла проигнорировать бабушку. Воспитание не позволяло. Она подняла глаза и заметила, что на окне растеклось огромное слюнявое пятно с зеленой примесью.

Люда скорчилась от отвращения. И как она только его не заметила, когда садилась на скамейку? Задумалась о главном герое, который шел вперед в составе ста человек, в погоне за жизнью.

– Ты, значемо, у нас книги читаешь, да? – спросила старуха. – Умную из себя строишь. Ну-ну.

– А в чем дело? Я вас как-то смущаю? – удивилась Люда.

– Нет. Читай-читай. Был тут один такой ершик. Нацепил какие-то вушники и делал вид, что самый главный. А я тебе так скажу...

Бабка закашлялась. Потом начала харкать на пол.

Люда подскочила. Она поняла, что на окно харкнул не какой-то пьяный хулиган, а эта бабка.

Девушка отвернулась и, сдерживая рвотный позыв, бросилась в другой вагон.

Бабка харкала на пол, а люди начали на нее засматриваться. Все воротили носы. Ближайшие скамейки начали пустеть.

Бабка отплевалась. На полу образовалась зеленая лужица.

– Что это такое? – спросила она. – И куда только смотрят проводники. А? Ишь че устроили тут! Бордель натуральный. Везде грязь. В ранешно время такого не было.

Она смотрела из-за своих огромных очков на убегающих из вагона людей. Некоторые, проходя мимо, бросали:

– Бабка совсем спятила.

– Ну и вонь.

– Отвратительно!

Одна женщина подошла к старухе и сказала:

– Что же это вы тут устроили, постыдились бы.

– Чего я буду стыдиться, а? – сказала старуха. – Что это ты тут мне указываешь?

– Устроили тут свинарник. Если вам плохо, то вышли бы в туалет.

– А че это мне плохо? Мне хорошо!

Бабка наклонилась и загребла в кулак липкую массу.

Женщина отвернулась и сообщила вагону:

– Совсем с ума сошла.

Она покрутила у виска пальцем. А в следующую секунду что-то плюхнулось ей в голову. Женщина повернулась к бабке, трогая затылок. Что-то мокрое и скользкое.

Бабка смотрела на женщину и молчала, чуть приоткрыв рот.

– Что вы себе позволяете! – закричала женщина – Вам в психушку пора!

Она достала влажные салфетки и стала вытирать волосы. К ней подошел мужчина.

– Что такое? – спросил он.

– Да вот старуха кинула в меня своими сморчками.

– А ты кто такой? – спросила старуха мужика. – Защитник, что ли, энтой? Знаю я ваших...

Она снова согнулась над полом. Сквозь приступ мокрого кашля старуха прокаркала:

– Ебешь эту... бабенку-то? И как у тебя только... стоит на жируху...

Женщина и мужчина были возмущены.

А бабка сплевывала на пол. Из нее выходили длинные ленты соплей. Она плевала и плевала.

– Пойдем отсюда, – сказал мужчина и увел жену.

Вагон опустел наполовину.

Кто-то из сбежавших наткнулся на проводника и сообщил, что в седьмом вагоне сумасшедшей старухе плохо. Она уже заблевала весь пол.

Под ногами старухи уже собралась приличная лужа соплей. А она все каркала и каркала над своим болотом.

– Гражданка, вам плохо? – спросил проводник.

– Иди, соси член у водителя поезда, – ответила бабка и засмеялась. Она прервалась только для того, чтобы бросить эту фразу, и продолжила изрыгать сопли.

– Кхе, кар-кар, кхе-кхе, кар-кар-кар...

– Похоже, надо вызывать врача, – сказал кто-то.

Проводник согласно кивнул.

– Сейчас будет остановка, бабушка, мы вас отвеем в медпункт.

– Писюн свой отведи... в свой пункт... в очко. Говнюк! – бабка успевала и харкать и говорить.

Теперь ее плевки больше напоминали рвоту. Сопли лились из глотки, как из шланга.

– Черт, да что это такое! – кричал проводник, отступив подальше.

– Может, у нее чума или еще что? – сказал кто-то.

– Пожалуй, я сваливаю из этого вагона, – сказал кто-то другой. Последние пассажиры убежали прочь.

И проводник с ними.

Костя заметил, что люди вокруг исчезли. Он снял наушники и осмотрелся. Вагон пустой. Он услышал, как кто-то рыгает в другом конце. Он встал и увидел, что бабка блюет под ноги.

– Так тебе и надо, старая карга, – сказал он.

Костя увидел знакомые места через окно и понял, что скоро его остановка.

Он хотел пройти мимо бабки и посмотреть, что там с ней происходит.

Костя шел и поглядывал, как она кряхтит и сгибается пополам.

Психованная бабка траванулась котлетками.

Когда он приблизился к ее скамье, то пришел в ужас. Она выблевала столько зелени, что можно было наполнить ванную и искупнуться.

И тут из зеленой лужи выскользнула рука. Она схватила парня за ногу. Костя закричал и попытался вырваться, но рука держала крепко.

Бабка продолжала блевать. Следующий комок жижи, вывалившийся из глотки, шлепнулся в лужу и сформировал подобие уродской головы.

– Ну, что, педик, – сказала зеленая тварь. – Я же говорил, что достану тебя.

Когда проводник прибежал с врачом, бабка спокойно сидела на скамейке и смотрела в окно. На лице блуждала улыбка. У ног расплывалась большая вонючая лужа.

Электричка остановилась.

– Ой, ребятки мои, – сказал бабка проводнику и женщине-врачу. – Мне уже много лучше. А вот и моя остановочка.

Она встала и медленно направилась в тамбур, улыбаясь беззубым ртом.

06.05.2018

Ставка

Миша очнулся от того, что вокруг начали орать.

– Бляха, заткнитесь, дайте поспать, – сказал он.

Среди гама он расслышал слова: «Россия, вперед!». И где-то в дальнем уголке опьяненного разума возник образ бегущего по зеленому полю мяча.

«Ах, черт, я, кажется, уснул во время игры», – подумал он и попытался разлепить глаза.

Миша очнулся за столом. Голова покоилась на столешнице. Она превратилась в пресс-папье, только вместо бумаги он придавил руку. Миша поднял тяжелую голову и огляделся. Люди бесновались.

– Что, какой счет? – спросил он Гришу, – какой счет, я спрашиваю!

Гриша орал во все горло, размахивая стаканом пива.

Миша схватил Гришу за футболку и притянул к себе.

– Какой счет, придурок?

– Пять – ноль! – завопил Гриша.

– Я же говорил, – сказал Миша. Язык заплетался, и разобрать слова мог только точно такой же пьяный. – Я же говорил, что мы просрем опять. Да еще и с таким...

– В нашу пользу, идиот! – заорал ему в лицо Гриша.

Россия выиграла у Саудовской Аравии. 5:0.

– Чего? Россия? – сказал Миша. – Да как же это? Черт.

Он поставил на то, что родная команда проиграет. Он не помнил, делал ли ставку на определенный счет, но точно знал, что не верил в победу наших.

Когда они с друзьями вошли в бар, он подошел к стойке, где принимали ставки. К тому моменту он уже всосал несколько банок пива, а когда он выпивал, в нем просыпался азарт. Он кинул на стойку несколько бумажек и попросил сделать ставку против России. Девушка протянула ему квитанцию, и он засунул ее в карман джинсов.

– Вот блин, опять пролетел, – сказал Миша.

Он посмотрел на огромный экран, где кучковались футболисты. В глазах стояла муть. Но Миша был уверен, что это наши футболисты. Потому что они радовались.

– Может, еще успею поставить на них, – сказал Миша и достал кошелек. Там он нашел только пару сотенных. – Не понял, а где же все мои бабки? Гриша, где мои бабки? Кто-то украл их!

– Ты дурак, – сказал ему Гриша, – ты идиот! Ты поставил все деньги против наших. Это тебе наказание, вот теперь будешь жрать весь месяц одну землю и навоз!

Миша смотрел на друга несколько секунд с тупым выражением лица, а потом схватился за голову.

– Ой, Наташка порвет меня, порвет, – стонал он. Голова начала трещать, хотя похмелье еще не наступило. Но сильнее боли от похмелья была боль от Наташкиных ударов сковородкой.

Наташка была серьезная женщина. И она очень разозлится, узнав, что ее мужик проиграл все деньги в спортбаре, делая ставки на футбол. Однажды он пропил четверть зарплаты, пока шел с работы. Тогда он просто заглянул в бар выпить пива, но потом подъехали кореша, они вытащили его в другой бар, потом в третий, и так он остался почти без денег.

Последние несколько месяцев зарплата у Миши была неплохая. Он продавал спецодежду. Полгода назад на него вышел очень хороший клиент. Тот позвонил сам, наткнулся сначала на Катьку, такого же менеджера, как и Миша, но она красила ногти и решила, что от одного клиента у нее не убудет, и перевела звонок на Мишу. Ногти важнее работы.

Клиент оказался крупным покупателем. Две сети заправочных станций объединились под общим брендом, им требовалась узнаваемая спецодежда для сотрудников. Также клиент

занимался добычей нефти и газа на Севере. На производстве были механики, слесари, монтажники, сварщики и еще миллионы разных трудяг, и каждому требовался костюм, каска и перчатки. Миша чуть не упал, когда Сергей сообщил, на какую сумму будет контракт.

Теперь Миша получал хороший процент и мог позволить себе посетить 4 бара за вечер.

Когда вернулся домой, его ждала очень злая Наташка. Она устроила ему разнос. Отобрала оставшиеся деньги и сказала, что будет выделять ему только на обед по 200 рублей в день.

– А как же сигареты? – спросил он.

– У меня будешь брать, – ответила Наташка.

Она курила легкие. Но они ему не нравились. Все равно, что взять с собой на футбольный матч только 0,3 пива. А что он будет делать следующие полтора часа? Пить собственную слюну? Разве так смотрят футбол?

Миша боялся жену. Она не была красивой, но строгой – это уж точно. Как училка по физике. Она не давала ему расслабиться. Как и теща. Та была намного опаснее. Если Наташка была как змея – ядовитая, хитрая и скользкая, то мамаша ее была как медуза Горгона. Окинет взглядом, и ты сразу обратишься в камень. Стукнет по лбу, и ты рассыплешься на мелкие куски.

Миша убрал кошелек в карман и подумал, что сейчас самое время бежать. Сбежать из города, затеряться, уехать куда-нибудь подальше. Он мог бы рвануть к Косте на Север. Тот говорил, что есть хорошие места в «ЯмбургГазДобыче». Только кто его туда возьмет? Что он умеет? Говорить по телефону? Впихивать спецодежду? Ну и что это ему даст? Там же в основном рабочие профессии, где надо руками работать, а не языком. Да у него и языком-то не очень получается. Менеджер по продажам из него так себе. Ему просто повезло с единственным клиентом. Остальные клиенты были мелочь.

Он ударил себя по лбу.

– Вот я идиот, – сказал Миша, – может, наврать Наташке, что меня ограбили? Тогда нужно и внешность поправить.

Он посмотрел на друга.

– Гриша, – крикнул Миша. В баре приходилось орать, чтобы сосед по столу тебя услышал. Вокруг стоял футбольный галдеж.

Гриша уже уселся на стул и продолжил распевать:

– Россия, Россия! Мы победили! Им нас больше не догнать!

– Гриша, – крикнул Миша, – дружище, ударь меня по лицу...

Он хотел объяснить, для чего это ему, но Гриша тут же влепил ему в нос кулаком.

Миша не удержался на стуле и грохнулся на пол. Он так опешил, что даже разозлился. Гриша его ударил, а он даже объяснить не успел, зачем ему это. А если он не успел объяснить, значит, друг хотел его ударить. Он был готов к этому!

Это возмутило Мишу.

Он кое-как поднялся, пока друзья ржали над его неуклюжими попытками, подошел к Грише и ударил по уху.

– Э, ты че? – завопил Гришка.

– А ты че? – спросил Миша.

– Ты же сам просил.

– Да, я просил, и че?

– Ну вот, ты же просил, а я тебе ударил. Ты же сам попросил!

– Ну и что, что попросил. Мог бы и узнать, для чего попросил. А ты уже и рад ударить друга, да? А вдруг ты не так ударил, вдруг мне надо было как-нибудь по-другому?

– И че? Я тебя не так ударил?

– Нет, нормально ударил. Как надо.

– Ну а че тогда? Придурок.

За ними наблюдали Эдик и Саня и хохотали во весь голос.

– Вы че, парни? – крикнул Эдик.

– Че, драться вздумали? Валите на улицу тогда! – крикнул Саня.

– Не, не, все нормально, – сказал Миша, – ладно, братан, прости. Я че-то вспылел. Давай еще раз ударь меня.

Он присел на стул рядом и подставил лицо Грише.

– Нет, не буду. А то ты опять зарядишь мне в ухо.

Гриша приложил ладонь к уху, будто это могло помочь, и обиженно смотрел на Мишу. Футбол на какое-то время был забыт.

– Да не, я не буду, – сказал Миша, – Я че-то... Затупил. Братан, ну давай, ударь. Ну че те, сложно?

– Да зачем? Вон иди подерись с кем-нибудь из них.

Гриша кивнул на соседний стол, где сидели два здоровенных качка. Они пили что-то крепкое. Судя по бутылке, что-то дорогое, с несколькими звездами, или даже с двузначным числом на этикетке.

– Не, они меня убьют, – сказал Миша.

Он не был большим и уж тем более спортивным. Однажды он заглянул в спортзал, но штанга оказалась тяжелой, а на беговой дорожке было скучно. Он пробежал две минуты и весь вспотел. Ему стало неприятно, что рабочая рубашка и джинсы пропитались потом. Тогда он пошел в душ. Сердце так стучало, что он испугался, как бы не умереть от инфаркта. «Долбаный спортзал», – подумал он, выпив бутылку пива после занятия, чтобы успокоить нервы. И ему стало легче.

– Да зачем тебя бить? – спросил Гриша.

– Блин, да я все деньги поставил на то, что наши проиграют, а они... Вон! Блин, да как так? Они никогда не выигрывали, а тут на тебе! В тот самый момент, когда я решил поставить против них, да еще и все деньги! Они взяли, да и выиграли. Как так?

– Ну и что из этого? Ну, проиграл и проиграл.

– Наташка убьет меня, как ты не понимаешь? Мне хана! Она выгонит меня. Это же не моя квартира, это ее мамки, две мегеры. Две стервы сожрут меня, а на улицу выплюнут бедного Михальча с пустыми карманами. Конец мне, конец!

– И что ты предлагаешь? Побить тебя, типа тебя обокрали?

– Да, это и предлагаю. Будет отмаза. Может, еще проживу немного. А может, займешь мне денег? – спросил Миша, – если займешь, то будет еще лучше. Скажу, что отобрали только половину, а остальное я спас, как настоящий герой.

– Не, Мишаня, у меня нет денег. Остался последний косарь, я сам против наших поставил. Правда, не пятьдесят с чем-то косарей, как ты, – Гриша засмеялся, – а все остальное пропил. И тебе, кстати, пиво тоже я купил, но я не прошу возвращать долг, у тебя все равно нет ни черта.

Он снова засмеялся. На этот раз так громко, что перекрыл крики футбольных фанатов.

Миша снова начал злиться. У него такое горе, а этот придурок еще и смеется над ним. Он залепил Грише кулаком в челюсть. Тот уронил стакан, и пиво разлилось по столу. На них закричал Эдик, мол, хватить бузить.

Миша сказал остальным, чтобы они шли в жопу. Он встал из-за стола и пошел к выходу. Пока пробирался через толпу, он шарил в карманах. Может, он сунул деньги куда-нибудь еще, а не в кошелек? Не мог же он поставить все. Не мог!

Но в карманах было пусто. Там лежала лишь одна бумажка. Он достал ее.

Долбаный чек. Квитанция. Ставка. Долбаная ставка против нашей команды.

Миша пригляделся, ему стало интересно, на какой счет он поставил.

Он различил цифры 5:0.

«Вот черт, я почти угадал, – подумал он, – только с командой ошибся».

Он смял бумажку и бросил в урну. Он вышел на улицу, стрельнул сигарету у каких-то пацанов, курящих рядом. Сигарета была со вкусом дерьма. Он подумал, что чувствует вкус разочарования, вкус поражения. Он зашатался и закашлялся. Его мутило. Он протянул руку и оперся о стену. Его стошнило. Никто ему не мешал. Никто не подошел и не сказал, что здесь не надо гадить. Но если бы кто и сказал, он бы послал его на хрен. У него горе, и он мог позволить себе блевать где угодно.

Наконец он оставил половину выпитого пива на асфальте и пристроил сигарету между зубов.

Мочевой пузырь занял от давления. Тогда Миша зашел за угол, расстегнул ширинку и усталился на стену. Струя ударила в кирпичи. Перед глазами все еще плыло. Он видел футболистов, видел мяч, летящий в ворота.

– Вот черт, черт! – заорал он.

Сигарета выпала изо рта в лужу. Она тут же потухла.

– Мне пофиг, я докурю и такую, – сказал Миша и заржал.

Он увидел перед собой лицо девушки, которая принимала ставку.

Вот зараза. Зачем она взяла деньги? И как так получилось, что она не отговорила его делать такую большую ставку? Разве ей идет какой-то процент с проигрыша? Наверняка. Конечно!

Он вспомнил ее довольное лицо, когда она взяла деньги из рук. Вот сучка. Она еще и улыбалась. Он вспомнил, как она дала ему бумажку, чек, и он различил на нем ставку «58 тысяч рублей», 5:0. Россия – Саудовская Аравия.

Струя застыла в воздухе. Дыхание остановилось. В голове прозвучал гром. И Мишу ударило молнией. Нет, молния пришла не с неба, а изнутри. Руки тут же затряслись, и он попал на штаны. Сердце забухало.

«Неужели моя ставка...» – прозвучали в голове слова.

Миша застегнул ширинку до того, как закончил мочиться, и на штанах расплылось пятно. Он бросился обратно в бар, забыв про мокрую сигарету, которую хотел докурить. Он добежал до двери, поскользнулся на блевотине и рухнул на парня, стоящего рядом. Парень удержал его.

– Извини, братан, – сказал Миша.

Братан поморщился, он почувствовал запах мочи, пива, сигареты и чего-то очень едкого. Перед ним маячило мятое лицо, к которому прилип отпечаток руки и разбитый нос. Из носа текла тонкая струйка крови.

Миша бросился к дверям бара. Его трясло от волнения.

Люди все еще кричали и бесновались. Матч окончен. Фанаты распевали гимн, все были счастливы. Миша кинулся к урне, куда бросил квитанцию. Он стал рыться в куче мусора. Тут было море квитанций, которые выбросили другие неудачники. Он наткнулся на что-то липкое. И измазался в чьих-то соплях.

– Да по фигу! – закричал он. – Потом вымою руки.

Люди, стоящие рядом, начали над ним смеяться.

– Если ты ищешь бутерброд, который тут лежал со вчерашнего дня, то я его уже доел, – крикнул кто-то. За этими словами последовал приступ смеха.

– Заткнись, – прошептал Миша, – иди в жопу, козел. Идите все в жопу.

Он нашел. Смятую бумажку. Он развернул квитанцию и увидел ставку.

5:0

Россия – Саудовская Аравия.

Ставка 1 к 32.

Один к тридцати двум, твою мать!

Один!

К тридцати двум!

Миша тут же протрезвел. Никогда он еще не чувствовал себя так хорошо. Он сделал ставку против наших, причем на такой разгромный счет. Да еще и с таким коэффициентом! И поставил все деньги, что были у него в кошельке, все, мать его! Пятьдесят восемь тысяч. А эта овца с улыбочкой на идиотском лице за кассой все перепутала и поставила на другую команду. Дура, сделавшая его богатым.

Богатым!

Миша заорал во все горло:

– Я выиграл, козлы вонючие! Я выиграл!

Но никто не обратил на него внимания, потому что в баре орал все. Они радовались победе нашей команды. А Миша радовался больше всех.

Он подбежал к стойке, где принимали ставки. Тут уже выстроилась очередь из победителей. Каждый из них получал выигрыш. Кто-то пару сотен, кто-то пару тысяч. Но не было среди них никого, кто бы сорвал такой куш, какой достался Мише. Он нетерпеливо переминался и шептал:

– Ну давайте быстрее, твари, продвигайтесь.

Девушка за стеклом зевала. Амбал за ее спиной, которого поставили сюда, чтобы никто из пьяных посетителей не дал волю грязным рукам, посматривал на каждого с недоверчивым прищуром. Особенно подозрительно он смотрел на Мишу. Но Мишу это не волновало. Он победил законно. Правда, благодаря ошибке оператора, но тем не менее. Ставка сделана, поздно пить боржоми, когда почки отпали, – скажет он им, когда они не захотят ему платить.

Но тут он подумал: «А что, если он что-то перепутал, вдруг ошибся?»

Он взглянул на квитанцию. Да нет же, все верно. Он выиграл.

Миша дрожал от волнения. И все время поглядывал на бумажку в руках, боясь, что она изменится и станет просто бумажкой, которой можно только вытереть зад.

За секунду до того, как передать чек девушке, он еще раз взглянул на нее.

«Все в порядке, – подумал он, – я выиграл, выиграл, мать твою, слышишь меня!»

Но девушка за стойкой не слышала мыслей. Она выжидающе смотрела на него и протягивала руку.

– Ну что у вас там? – спросила она.

Он передал квитанцию.

«А вдруг она ее порвет прямо при мне и скажет, что ничего не видела? А этот здоровяк подтвердит. Есть тут камеры? Где камеры?»

– А вы ведь против наших ставили? – спросила девушка у Миши, разглядывая квитанцию.

– Да с чего это? – сделал он возмущенный вид. – Посмотри на мою футболку, красавица, видишь? Россия! Это моя команда, я всегда болею за них.

Она посмотрела на Мишу, на грязную футболку, потом на листочек в руках, потом на амбала за спиной.

– Че, думаете, я этот чек сам сделал?

– Сейчас разберемся, – сказал здоровяк.

Они рассмотрели чек под специальной лампой.

– Нет, все в порядке, – сказал девушка, – выдайте ему.

Амбал кивнул:

– Иди за мной. Мы здесь такие деньги не выдаем.

Миша выпрямил спину и с выпяченной грудью миллионера из трущоб поперся за здоровяком. После Миши в очереди еще стояли несколько человек.

Пока он следовал за качком в служебное помещение, то пытался высчитать сумму, которая ожидала в спрятанном от посторонних глаз сейфе. Он мысленно увидел огромный металлический шкаф за картиной, как в классических фильмах о миллионерах. Амбал введет пароль

на крутящейся штуке, потом откроет дверь и отсчитает приличную сумму. Сколько ему полагается? Если он сделал ставку в пятьдесят восемь тысяч (О, боже мой! О, боже! Вот это счастье! Да как так? Неужели он заслужил? О, господи!), а коэффициент был один к тридцати двум, значит, надо пятьдесят восемь тысяч умножить на тридцать два. С математикой у Миши дружба не складывалась, хотя он любил считать деньги. Миша любил высчитывать премию перед зарплатой, правда, он почти никогда не получал верные цифры, обычно он пересчитывал в свою пользу, но никогда не возмущался, когда получал меньше. Хоть и подозревал, что его обманывают. Он просто боялся показаться глупым.

В седьмом классе Галина Петровна выгнала его с алгебры, потому что Миша хихикал, зарисовывая в учебнике «многочлены». Каждый член этого многочлена был напряжен, а некоторые выстреливали в глаз какой-нибудь букве или цифре.

Учитель вызвала маму в школу. Рассказала, чем он занимается на уроках. Мамка отполировала его задницу кожаными ремнем, оставшимся от отца, который сбежал куда-то с молодой и пухлой цыпой.

Миша не любил математику. Кое-как сдал экзамен на три и обиженно выбросил из головы все формулы, цифры и многочлены, о которых все-таки вспоминал, смотря японские мультики. Он не жалел, что остался без математики. Кому она нужна? Ведь есть калькуляторы и бухгалтерские программы, они сами все посчитают. Математика уже никому не нужна.

Миша прикинул, сколько ему достанется. Чуть больше полутора миллиона рублей. Вот это да!

Вот это ДА!

Он хотел от радости хлопать в ладоши, но боялся, что амбал про него подумает: *«Смотрите-ка, радуется, как ребенок. Наверняка он пустоголовый болван, недомерок. Попробую его обмануть»*.

Миша сделал, как ему показалось, взрослое лицо. Он опустил уголки губ вниз, будто был недовольной бабкой из избушки на курьих ножках, будто он разбирался в математике и в выигрышных ставках, и его даже дьявол не проведет. Так он шел за здоровяком.

«Полтора миллиона», – крутилось в голове. Он представлял себе целую кучу банкнот. И все они принадлежали ему. Да они даже в карманах не поместятся! Офигеть. Ну ничего, у него много карманов. Растолкает. Купит пакет. Это не самая большая проблема, с которой ему предстоит столкнуться.

А что ты будешь делать с такими деньгами?

Как что? Для начала я... О, это самый сладкий момент – представлять, как будешь тратить халявные деньги. Что может быть лучше?

Миша умел это делать. Он был мастер таких фантазий, ведь всю жизнь только о том и думал, как найдет на улице деньги и будет их тратить.

Для начала свалю от Наташки. Пошла она в задницу. Если я скажу ей, что выиграл полтора миллиона, она тут же их отберет. А если я не буду их отдавать, то прискачет Горгона и заморозит меня. Тогда они отберут мои деньги.

Мои деньги!

Они мои, и уж точно не их. Не этих двух кошелок. Две дуры. Не удивительно, что Наташкин батя ушел от них. И я уйду. Пошли они в задницу! Пошли! А я теперь миллионер!

Он слегка подпрыгнул. Он с удовольствием бы хлопнул подошвами ботинок, если бы умел. И если бы не здоровяк впереди. Но даже от небольшого прыжка у Миши заболела поясница.

«Надо сходить к врачу, – подумал он, – провериться. Теперь ведь у меня есть бабки. Да, есть! Буду делать что хочу. Возьму отпуск, завтра же. Нет, не отпуск. Уволюсь на хрен. Скажу этому козлу Дегтяреву, что он мудило из Нижнего Тагила. Может, даже наассу на стол. Нет, это слишком. Он мне тогда не выдаст расчет. А ну и хрен с ним, с расчетом. Кому

нужны эти копейки? Уволюсь и открою фирму. Я ведь знаю, где наши заказывают одежду. Буду через них же работать. Клиент уже есть, а у него еще впереди столько планов и заказов, так что на первое время мне хватит. Найму людей. Да, найму! Сам буду проводить собеседования и не буду нанимать всяких идиотов типа Вероники и Славика. Вот уж кто действительно тупые бараны, так это они. И как они, вообще, школу закончили? Они даже Excel-ем пользоваться не умеют. Даже вложение в электронном письме не могут сделать. Вот уж таких я вычислю на раз и разверну прямо на пороге. Пошли они. Идиоты.

А после того, как уволюсь, сниму себе хату, большую, с лоджией, в центре города. И буду смотреть на спящих по утрам муравьев с балкона и пить крепкий кофе. Куплю себе кофемашину, не как у директора. Круче. И буду заваривать себе кофе. О да. И смотреть на идиотов, спешащих на работу. А я буду работать из дома. Телефон у меня есть, компьютер тоже будет. Куплю себе этот, который с яблоком. Да, он дорогой, а значит крутой и мощный. Там, наверное, и в игрушки можно поиграть. Тем более что меня не будет больше Наташка доставать. Разведу с ней. Ведь и правда разведу. Ну ее на фиг.

А потом... Потом... Фирма моя будет работать, я лишь два раза в неделю буду приходить и проверять порядок. Найму себе секретаршу. И чтобы с сиськами, и с задницей, очень большой и аппетитной. Куплю ей абонемент в спортзал и скажу, что если будет пропускать, то уволю. Будет очень стройная, и я буду драть ее, когда захочу. Да, когда захочу. Так все директора делают. Они спецом таких секретарш и нанимают. Чтобы драть их.

Так, с этим понятно. А что дальше?

Когда фирма принесет кучу бабла, куплю себе дом, за городом, около Верхнего Пруда. Я видел там несколько дворцов, когда мы с парнями на шашлы гоняли. Вот где богатые живут. Ну, ничего, готовьте землю и двигайтесь, к вам едет Мишаня!»

Амбал остановился, и Миша ударился носом в спину. Нос тут же пронзила боль. Гришин кулак не зря старался. Все мечты тут же вылетели из головы.

– Ой, извините, – сказал Миша.

– Можешь отойти? – спросил здоровяк, и Миша отступил.

Мужик открыл дверь, и они вошли в кабинет. Под потолком горела флуоресцентная лампа. Свет был бледный и неуютный. При таком хотелось лечь на пол и умереть.

Амбал обошел стол, сел на офисное кресло с высокой спинкой и начал ковыряться под столом. Что-то звякнуло. Похоже на ключи. Или на нож-«бабочку».

Миша взглянул на окно. Плотные жалюзи и тонированные стекла. И решетка.

– Присядь, – сказал амбал.

Миша сел на твердый неудобный стул перед столом. До них доносились крики пьяных болельщиков из зала. Амбал достал металлический ящик с ручкой, как у чемодана, открыл его маленьким ключом, потом взял калькулятор, потыкал огромным пальцем и стал отчитывать деньги. А Миша смотрел и думал, что это сон. Это не может быть правдой. Он уснул за столом, пока смотрел игру, и это ему снится.

– Рот закрой, а то напускаешь мне слюней на стол, – сказал здоровяк, – заставлю вытирать твоей же футболкой.

Миша закрыл рот. Он считал деньги вместе с амбалом.

Пятитысячные купюры мелькали перед носом. Миша чувствовал их запах. Запах бумаги, грязи, рук миллионов людей. Запах чистящих средств, которыми отмывают деньги в банках, запах пресса, который отглаживает банкноты, запах водяных знаков и запах богатства.

У Миши чесались руки. Он видел, что на каждой бумажке нарисованы мечты. Вот крутая тачка, вот квартира, вот блондинка в короткой юбке, которая снимает трусы. Вот костюм от Армани и крокодиловые туфли. Золотой браслет и крест размером с кулак, как у X-zibita. Да он теперь круче, чем любой репер. Круче!

Амбал закончил отчет.

– Держи, – он придвинул деньги к Мише.
– А че так мало? Тут даже не полторашка! – спросил Миша, но в голосе не было силы, на которую он рассчитывал. Голос был жалкий и тихий.

– Какая полторашка? – спросил здоровяк.

– Полтора миллиона.

– А с чего я должен давать тебе полтора миллиона?

– Ну как... один к тридцати двум... а если посчитать... я поставил пятьдесят восемь...

– Ты о налогах слышал, сынок? – спросил здоровяк, – Ты должен тридцать процентов государству, так что вот, держи один миллион семьдесят пять тысяч. А проценты я отдам за тебя. Я тебе так даже одолжение сделаю.

– За что налог? Какой налог? Это же мой выигрыш! – удивился Миша. – Почему я должен что-то платить? Я ведь свои деньги поставил.

– Ты законы читаешь? Если нет, то это твои проблемы. Вот, держи бабки и иди жалуйся президенту. Мне мозги не парь, понял?

– Да понял, понял, – сказал Миша. Настроение немного поблекло, но не до конца. Все же у него оставались деньги. Но обида все равно кольнула. Аж до слез.

Ладно, придется немного умерить пыл. В любом случае мне хватит открыть фирму. И послать на хрен жену.

Он начал рассовывать деньги по карманам, не замечая странный блеск в глазах амбала. Тот радовался не меньше, чем Миша, ведь он обсчитал его на двести двадцать тысяч.

На двести двадцать!

Не на косарь, и не на пять кусков. Но наш Миша математику послал куда подальше в далеком прошлом и совершенно не умел высчитывать проценты. За него ведь считал калькулятор. А он видел, как здоровяк использовал калькулятор, значит, все верно.

Он сложил деньги по карманам.

– А теперь вали отсюда, – сказал мужик, – и советую тебе вызвать такси. С такими деньгами люди быстро уходят на дно.

– Я так и сделаю, – сказал Миша и поспешил убраться из этого бледного и мрачного кабинета.

Здоровяк закрыл дверь и вернулся за стойку к девушке.

– Эй, ты гд-д-де бы-ы-ыл? – крикнул Гриша, когда Миша пробирался к выходу, – погнал-л-ли к Эдику, он сегодня всех зобет к бебе... ой... пробовать в честь нашей бобеды домашний самогон. Погнали? А жену в топку. Ниче она тебдбе не сделает, ты же бужик!

Гриша был пьяный и шатался, будто балансировал на тонком рельсе на высоте двадцатизэтажного дома.

– Не, не поеду. Мне надо домой, – сказал Миша и направился к выходу.

Он уже чувствовал, как по углам бара распределились шпионы, наблюдатели, воры, которые ждали удобного момента, чтобы наброситься и отобрать все деньги.

– Ну и лабдбно, – сказал Гриша и обиделся. Обиделся настолько, что приобнял совершенно незнакомого парня за плечи и сказал, – так и жибем, братан.

Парень нисколько не удивился и сказал в ответ:

– Россия – чемпион!

– Чемпион! – заорал Гриша, и Миша был забыт.

Миша вывалился на улицу. Тут было людно. Он пробрался через толпу орущих фанатов. Все были пьяные. Настоящие любители спорта. Истинные.

Миша держал руки в карманах. Сердце дрожало. Он обнимал денежки так же нежно, как детей. Правда, детей у него не было, да он их и не хотел. А теперь и подавно. Зачем ему дети, когда есть деньги? Это почти то же самое. Деньги, дети. Только деньги не гадили в подгузники и не орали посреди ночи. Деньги были лучше. Они дадут ему все, что нужно. Все.

Он шел по улице, крики фанатов остались позади. Он смеялся. Улыбка пыталась дотянуться до ушей и подергать за них. И была все ближе и ближе. Миша был счастлив. Второй раз в жизни он был счастлив. Первый раз, когда парень в телефоне назвал сумму контракта.

Стоп. А не был ли он счастлив, когда женился на Наташке?

Нет, конечно, нет. Он женился на ней из-за квартиры. Да и не нашел бы он себе девки лучше. Эта толстуха все равно никому не нужна была. Так что все честно. Она получила мужика, а он – квартиру. Правда, теперь эта услуга ему не требовалась. Теперь у него есть все, что нужно.

Он шел в сторону дома и представлял, какой завтра будет отличный день. Затем остановился.

Зачем идти домой? Там же эта стерва. И наверняка ее мамаша тоже там. Она часто приезжает к ним без предупреждения среди недели.

Нет. Переночую в гостинице. Деньги же есть.

Он похлопал по карманам. Да, есть.

Он повернул направо и пошел по темной безлюдной улице. Правда, она не была тихой. Отовсюду из окон доносились крики: «Россия – чемпион!»

«Какой отличный день, – думал Михалыч, – это лучший день в жизни. Лучший».

Он прошел мимо очередного дома, как вдруг внимание привлекла вывеска над дверью какого-то заведения.

«Казино».

– Ха, хреново казино, – сказал он, – место, где неудачники оставляют всю зарплату, а потом надевают петлю на шею.

Он рассмеялся и зашагал прочь. Но через секунду замер на месте.

Неудачники!

Это ведь не про него.

А что про него?

Он – не неудачник. Он – счастливчик. Он выиграл сегодня миллион, совершенно случайно. А еще его команда победила с таким разгромным счетом. Да, он – счастливчик. А когда тебе везет, то везет по-крупному. И поскольку везет ему не часто, а крайне редко, то он должен использовать этот момент везения, пока он не уплыл вместе с этим днем.

Ты че, идиот? Ты что хочешь сделать? Даже не думай об этом!

Почему? Сегодня у меня отличный день. Тем более денег у меня полные карманы. Что будет плохого, если я проверю пару косарей на удачу? Что? Тем более у меня их еще полные карманы.

Не делай этого. Ты выиграл, довольствуйся этим. Вали в гостиницу, проспись, а завтра походи в банк и начни делать по-настоящему важные дела. Открой счет, сними квартиру, позвони Наташке и пошли ее в задницу вместе с ее тупой мамашей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.